

Дегтерев Николай Александрович
Аспирант,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: koldeg@mail.ru

Degterev Nikolai Alexandrovich
Post-graduate student,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: koldeg@mail.ru

**ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
СОЦИАЛЬНОГО ДИАЛЕКТА
БУРСАКОВ В «ОЧЕРКАХ БУРСЫ»
Н. Г. ПОМЯЛОВСКОГО**

**CHARACTERISTIC FEATURES OF THE
SEMINARIANS' SOCIAL DIALECT
IN "SEMINARY SKETCHES" BY
N. G. POMYALOVSKY**

Аннотация. В статье на материале «Очерков бурсы» Н. Г. Помяловского рассматривается феномен социального диалекта бурсаков. Отмечается специфика бытования социолекта в художественном произведении, определяются параметры социальной группы «бурсачество». Выделяются главные особенности бурсацкого социолекта: просторечие, языковые игры, в том числе игровое двуязычие, пародийное профанирование библейского текста, собственная лексика.

Ключевые слова: социальный диалект, бурсак, языковые игры, пародийность, библейский текст, двуязычие

Abstract. This article discusses the phenomenon of the seminarians' social dialect in "Seminary Sketches" by N. G. Pomyalovsky. The author specifies the sociolect existence in the literary work, defines parameters of the seminarists' social group, highlights the main features of the seminary sociolect: substandard language, language games including game bilingualism, parodic profaning of the biblical text and specific vocabulary.

Keywords: social dialect, seminarist, language games, parody, biblical text, bilingualism

Введение

Проблема бытования социального диалекта в художественном произведении имеет свои особенности. М. М. Бахтин, для которого идея «диалогичности» была одной из основ его философии, справедливо считал, что «элементы языка внутри языковой системы или внутри «текста» (в строго лингвистическом смысле) не могут вступать в диалогические отношения» [2]. В частности, социальные диалекты вступают в такие отношения «только при условии нелингвистического подхода к ним, то есть при условии трансформации их в «мировоззрения» (или некие языковые или речевые мироощущения), в «точки зрения», в «социальные голоса» и т. п.» [2]. Таким образом, понимание социального диалекта, с одной стороны, как лингвистического феномена, с другой – как художественного, отличается.

В данной статье речь пойдет о социальном диалекте бурсаков в «Очерках бурсы» Н. Г. Помяловского. «Бурсацкий язык» является для автора объектом *изображения* и «вплетается» в художественную ткань произведения. Следовательно, мы имеем дело не с непосредственной ситуацией живого речевого общения на этом «языке», а с ее воспроизведением в рамках художественного целого. Такое воспроизведение отражает лишь главные, наиболее выразительные особенности социолекта – с целью эстетического воздействия на читателя. Отметим также, что в силу своей специфики

бурсацкий социолект выделяется автором графически: маркером, обозначающим его с первых страниц произведения, выступает курсив. Курсивом выделены те слова и обороты речи, существующие в бурсе, которые могут быть непонятны читателю, далекому от ее реалий. В данной статье мы постараемся выделить основные особенности социального диалекта бурсаков, учитывая художественную специфику этого феномена в «Очерках бурсы».

Основная часть

Один из исследователей творчества Н. Г. Помяловского, Б. С. Вяльбе, писал: «Бурса, как социально-педагогическое явление, связана только с именем Помяловского» [5]. Действительно, хотя образ бурсака в русской литературе присутствовал и до появления «Очерков бурсы» [3], [10], именно Помяловскому принадлежит заслуга изображения бурсы как среды, формирующей не только отдельные характеры, но и социальный тип бурсака в целом. Произведения этого автора уже не могла не учитывать последующая художественно-публицистическая и даже мемуарная традиция изображения духовных учебных заведений.

Образы бурсаков и их среды в очерках Помяловского создаются в том числе с помощью особого «бурсацкого языка». Комментируя высказывание одного из учеников, автор оговаривается: «Все эти слова в переводе с бурсацкого на человеческий язык означали...» [12, с. 277]. В этом, безусловно, ироничном замечании подчеркивается, что бурсак отличается не только от представителей другого социального слоя, но даже от человека как такового. Конечно, это гипербола, однако фактом остается то, что Помяловскому принципиально важно было подчеркнуть резкое отличие бурсаков от «обычных людей», или, по крайней мере, людей того круга, к которым принадлежал современный ему читатель.

Подчеркиванию этого отличия, резкому проведению демаркационной линии между «людьми» и «бурсаками» служит «бурсацкий язык». Он сознательно конструируется автором. Конечно, по своему характеру это не отдельный язык как таковой, а социальный диалект. «Словарь лингвистических терминов» Т. В. Жеребило так определяет социальный диалект («социолект, социальный жаргон, социальный вариант языка):

1. Совокупность языковых особенностей: лексических, фразеологических, присущих той или иной социальной группе: профессиональной, сословной, возрастной – в пределах того или иного национального языка: 1) профессиональные жаргоны; 2) групповые жаргоны. Социальный диалект не представляет целостной системы, так как он характеризуется специфическими наименованиями и отдельными синтаксическими конструкциями, но грамматические категории и синтаксис в целом остаются общенациональными.

2. (В узком значении). То же, что арго.

3. (В широком значении). Основные формы существования языка: территориальные диалекты, литературный язык и т. п., рассматриваемые как социальные уровни языка» [8, с. 355]. Для нас в этом определении важно подчеркнуть, что социальный диалект является «совокупностью языковых особенностей: лексических, фразеологических, присущих той или иной социальной группе» – в пределах национального языка. «Бурсацкий язык» не выходит за пределы национального языка, принадлежит

определенной социальной группе и не является в подлинном смысле слова языком, а только обладает некоторыми «особенностями».

Т. И. Ерофеева считает обоснованным введение термина социолект «для любого группового, или коллективного, языка» [7]. Правда, помимо социальной, она также подчеркивает значимость биологической и психологической составляющей в определении того или иного социолекта. Однако и с позиции этих критериев бурсаки представляют собой общность: в бурсе учатся исключительно мальчики молодого возраста (примерно от 12 до 24 лет). Отметим также, что общность бурсаков как социальной группы характеризуется наличием у них своего фольклора [11].

Итак, какие же особенности бурсацкого социолекта мы можем найти в «Очерках бурсы»? Прежде всего, бурсаки – выходцы из бедных, низших слоев населения: дети причетников, дьяконов, в основном, из сельской местности. Характерно в этом последнем отношении противопоставление основной массы бурсаков «городским». Соответственно, основной, «врожденный» пласт бурсацкой речи – народная речь, просторечие. Для речи бурсаков характерно, например, использование пословиц, раешного стиха: «Гусь свинье не товарищ», «Не проси пирога, мука дорога. Чичер, ячер, на вечер; кто не был на пиру, тому волосы деру; с кровью, с мясом, с печенью, перепеченью»; интересна и пословица, придуманная самими бурсаками: «Не репу сеют, а секут только» [12, с. 269]. Для них характерно также употребление сниженной лексики: «в зубы съезжу», «а вот и харя, съезди», «что гляделы-то пучишь?», «ишь ты, стерва» [12, с. 272–273, 275, 278] и др. Конечно, сниженная лексика употребляется бурсаками ситуативно – только в между собой, а не с начальством. Однако просторечие – это еще не особенность бурсацкого социолекта, скорее, фундамент, на основании которого строится этот язык.

Вероятно, основной особенностью бурсацкого языка, обусловленной прежде всего возрастом учеников, является его игровой компонент. Ю. И. Айхенвальд назвал Н. Г. Помяловского «редким психологом детского сознания» [1]. Детям свойственно постижение мира в форме игры. Для бурсаков в этом смысле очень характерны языковые игры, которые реализуются ими разнообразно. Так, например, все бурсаки имеют какие-либо прозвища, этимологию которых проследить бывает достаточно сложно: «*Муха, Эптаха, Тавля, Шестиухая Чабря, Хорь, Плюнь, Омега, Ерма-Кокста, Катька* и т. п.» [12, с. 262]. Прозвище – подмена имени, следовательно, в религиозном смысле подмена сущности – бурсаки не просто «играют в игры», они сами являются «составной частью» этих игр.

Игровое отношение к языку реализуется в бурсацком ф, в уже упомянутом использовании раешного стиха, в пародийном переосмыслении элементов Священного Писания, о чем мы скажем позже. При этом автор приводит примеры и самых непосредственных игр с языком: «Двое камчадалов учатся иностранным языкам; один говорит “хер-я, хер-ни, хер-че, хер-го, хер-не, хер-зна, хер-ю, хер-к зав, хер-тро, хер-му”; следует лишь вставить после каждого слога “хер” и выйдет не по-русски, а *по-херам*. Другой отвечает ему еще хитрее: “ши-чего ни-цы, ши-йся не бо-цы”, то есть “ничего не бойся”. Это опять не по-русски, а *по-шицы*» [12, с. 290]. Другие бурсаки «читают страницу сзади наперед и притом снизу вверх» [12, с. 291]. Таким образом, в стенах бурсы язык подвергается всевозможным, в том числе, и самым бессмысленным, экспериментам.

Социальный диалект может характеризоваться тем, что явления, свойственные только группе (или наиболее близкие ей), получают названия на «своем» языке, в то время как для других, более общих явлений, используется обычный литературный язык. В этом смысле бурсацкий социолект примечателен названиями игр, распространенных (и переосмысленных) в бурсе: «Игра в камешки, вероятно, всем известна, но в училище она имела оригинальные дополнения: здесь она *со щипчиками*, и притом *щипчиками холоденькими, тепленькими, горяченькими и с пылу горячими*, которые доставались проигравшему» [12, с. 263]; «поднялся легкий шумок, и начались невинные игры бурсаков, как-то в шашки, *святыцы* (карты), костяшки, щипчики, швычки и т. п.» [12, с. 321]. Особое название имеют и различные способы физического воздействия, применяемые бурсаками по отношению друг к другу: «Он сообщал так: “Все эти смази, волосянки, треухи и бутылочки есть не что иное, как шлифованье”» [12, с. 362].

Еще одним из признаков социального диалекта является ситуативное двуязычие. Правда, стоит оговориться, что в отношении бурсаков Помяловского это двуязычие (или даже трехязычие) не серьезное, а пародийное, игровое. Так, например, латинский язык используется ими в фольклорной поэме «Семинариада»:

Любимцы... Аполлона
 Сидят беспечно in сауропа [в кабачке, в харчевне].
 Едят селедки, merum [чистое, неразбавленное вино] пьют
 И Вакху дифирамб поют:
 «О, как ты силен, добрый Вакх!
 Мы tuum regnum [твое царство] чтим в мозгах:
 Dum caput nostrum [пока нашу голову] посещаешь,
 Оттуда curas [заботы] выгоняешь,
 Блаженство в наши льешь сердца
 И dignus domini [достойный господа] отца» [12, с. 283].

Тут примечательно не только использование латинских слов, но и выражений из католических молитв – “tuum regnum”, “dignus domini” – в явно пародийном ключе. Латинский язык присутствует также в прозвищах бурсаков: Азинус (осел), Ipse (самый, целый). Следует отметить, что использование латыни бурсаками – явление, безусловно, присутствующее не только в «Очерках бурсы». Игровое отношение к латинскому языку мы можем увидеть в романе Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Пан Халявский», где бывший бурсак пан Галушкинский обучил своих подопечных изъясняться следующим образом: «Как разентус я украдентус у маментус ключентус и нацедентус из погребентус бутылентус» [9, с. 115].

Между тем настоящее, а вовсе не игровое двуязычие существовало в XIX в. если не в бурсе, то в семинарии (на следующей ступени обучения). Так, мы можем встретить упоминание об этом в мемуарной литературе. Н. П. Гиляров-Платонов пишет: «Но к одному предмету ученики питали если не любовь, то почтение: к латыни. <...> Вспоминали о старых временах, что тогда по-латыни знали и учили лучше; передавали рассказы о калькулусе (calculus) и даже собирались было просить о его введении. Калькулюс – это то же, что «язык» в институтах. В старых семинариях ученики обязаны были говорить между собой в классе только по-латыни; употре-

бывший русское слово получил листочек, и он-то назывался *calculus*; обладатель калькулюса обязывался, сверх обыкновенного урока, выучить еще какие-нибудь вокабулы или тираду классика» [6, с. 217].

Церковнославянский язык присутствует в очерках Н. Г. Помяловского в пародийном переосмыслении богослужбных текстов (например, в карнавальной сцене «свадьбы» бурсаков), а также в устной речи, никак не связанной с богослужением. Например, во время одной из ссор бурсаков происходит такой диалог:

- Что же это, Хорь? – говорил Семенов.
- Я тебе Хорь?.. а в ухо хочешь?
- Оплетохом, – сказал один из товарищей.
- Беззаконновахом, – прибавил другой.
- И неправдовахом, – заключил третий [12, с. 276].

Данные церковнославянизмы – пародийное переосмысление 6 стиха 105 псалма, никак, естественно, по смыслу с псалмом не связанное.

Еще одно важное определение социолекта мы встречаем у Н. Б. Вахтина и Е. В. Головки. Они пишут: «Социальный диалект, или социолект, как его определяет Р. И. Макдэвид, – это “принятый в данном обществе субвариант речи, который благодаря действию определенных общественных сил является характерным для определенных этнических, религиозных и экономических групп или групп индивидов с определенным уровнем и типом образования”» [4, с. 50]. Бурсаки как раз и объединены «уровнем и типом образования»: бурса – это нижняя ступень духовного образования в дореволюционной России. Сложнее дело обстоит с применением по отношению к бурсакам понятия «религиозной группы». На первый взгляд, этот признак должен быть не просто одним из важнейших, а решающим, ведь бурсаки – будущие священно- и церковнослужители. Однако в собственном смысле религиозными из них являются единицы. Тем не менее и признак «религиозной группы» в отношении бурсаков Помяловского мы тоже можем выделить по нескольким причинам. Во-первых, как «бурсацкий язык» противопоставляется автором «языку человеческого», так и «бурсацкая вера» – вере собственно христианской. Так, например, о некоторых выпускниках бурсы говорится: «Они во время самостоятельного развития своего, силою собственного, личного ума и опыта, очищают бурсацкую веру, всецеленную в их душу, от всевозможных ее ужасов, потом создают новую веру, свою, человеческую, которую, надев впоследствии рясы и сделавшись попами, и проповедуют в своих приходах под именем православной веры» [12, с. 402]. Здесь противопоставляются друг другу даже три веры – бурсацкая («всечеленная» в воспитанников педагогическими средствами бурсы), собственно православная (наиболее далекая от бурсаков) и «человеческая» – в каком-то смысле гуманистически обновленное христианство XIX в. Во-вторых, бурсацкая религиозность не существует сама по себе, она есть некое отталкивание, противопоставление себя христианской религиозности. Эта вторичность бурсацкой религиозности очень важна – именно она во многом и проявляется в социальном диалекте бурсаков.

Наконец, самый заметный и эстетически выразительный признак социального диалекта бурсаков – это пародийное использование (и переименование) библейского текста. Для русской культуры, христианской в своих аксиологических основах, библейский текст всегда был значимым. Тем интереснее выглядят метаморфозы его ис-

пользования во второй половине XIX в. С одной стороны, революционная (принципиально атеистическая) интеллигенция использует евангельские реминисценции для подчеркивания своего религиозного служения делу революции (например, в «Домике на Волге» С. М. Степняка-Кравчинского); с другой – бурсачество, призванное к служению в Церкви, наоборот, профанирует библейский текст. Примеров профанации в «Очерках бурсы» мы можем найти огромное количество, например, (угроза): «А в *рождество* (лицо) хочешь?»; «и бысть слышен глас с небесе – тп-тпру»; «отроцы семинарстии, посреде кабака стояще, пояху: подавай, наливай; мы книги продадим, тебе деньги отдадим» [12, с. 303, 381, 281] и др. Эти и подобные примеры включают в себе как игровой момент, так и момент профанации.

Выводы

Таким образом, в «Очерках бурсы» Н. Г. Помяловского мы видим обособленную социальную группу – бурсачество. Она отделена от остального социума:

- территориально (за пределы бурсы можно выходить только с разрешения начальства);
- по возрасту и полу (молодые юноши);
- по социальному происхождению (в основном из бедных провинциальных семей);
- по типу и уровню образования (начальное духовное образование).

Эта группа, как следствие, имеет свой социальный диалект, который воспроизводится Н. Г. Помяловским в его произведении. Этот социальный диалект характеризуется просторечием в своей основе, языковыми играми, пародийным использованием латинского и церковнославянского языков, собственными, не имеющими аналогов в обществе (или переосмысленными) названиями игр, методов физического воздействия, рангово-иерархического деления внутри бурсачества, наконец, пародийным профанированием библейского текста.

Литература

1. Айхенвальд Ю. И. Помяловский. URL: http://az.lib.ru/a/ajhenwalxd_j_i/text_0620.shtml (дата обращения: 07.03.2019).
2. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа. URL: <http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/probltext.html> (дата обращения: 07.03.2019).
3. Белоусов А. Ф. Образ семинариста в русской культуре и его литературная история: От комических интермедий XVIII века – до романа Надежды Хвощинской «Баритон» // Традиция в фольклоре и литературе. СПб., 2000. С. 159–176.
4. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социоллингвистика и социология языка. СПб.: Гуманитарная Академия, 2004. 336 с.
5. Вяльбе Б. С. Помяловский. URL: <https://e-libra.ru/read/380103-pomyalovskiy.html> (дата обращения: 07.03.2019).
6. Гиляров-Платонов Н. П. Из пережитого: автобиографические воспоминания: в 2 т. СПб.: Наука, 2009. Т. 1. 612 с.
7. Ерофеева Т. И. Социолект как инструмент описания языковой ситуации региона. URL: <http://www.rfp.psu.ru/archive/1.2010/erofeeva.pdf> (дата обращения: 07.03.2019).

8. Жеребило Т. В. Социальный диалект // Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. С. 355.
9. Квитка-Оснoвьененко Г. Ф. Пан Халыавский. М.: Издание книгопродавца Е. А. Губанова, 1894. 388 с.
10. Лукашевич М. Роман В. Крестовского (Надежды Хвошинской) «Баритон» на фоне литературной традиции изображения семинариста // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2011. № 7 (69)/11. С. 133–147.
11. Очерк как среда описания детского фольклора. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/OL_1.htm (дата обращения: 07.03.2019).
12. Помяловский Н. Г. Очерки бурсы // Помяловский Н. Г. Избранное. М.: Советская Россия, 1980. 432 с.

References

1. Aikhenval'd Iu. I. *Pomialovskii* [Pomyalovsky]. Available at: http://az.lib.ru/a/ajhenvalxd_j_i/text_0620.shtml (accessed: 07.03.2019).
2. Bakhtin M. M. *Problema teksta v lingvistike, filologii i drugikh gumanitarnykh naukakh. Opyt filosofskogo analiza* [The problem of text in linguistics, philology and other humanities. Experience of philosophical analysis]. Available at: <http://www.infoliolib.info/philol/bakhtin/probltext.html> (accessed: 07.03.2019).
3. Belousov A. F. *Obraz seminarista v russkoi kul'ture i ego literaturnaia istoriia: Ot komicheskikh intermedii XVIII veka – do romana Nadezhdy Khvoshchinskoi "Bariton"* [The image of the seminarian in the Russian culture and his literary history: from comic interludes of the XVIII century – to Nadezhda Khvoschinskaya's novel "Baritone"]. *Traditsiia v fol'klоре i literature* [Tradition in folklore and literature]. St Petersburg, 2000, pp. 159–176.
4. Vakhtin N. B., Golovko E. V. *Sotsiolingvistika i sotsiologiia iazyka* [Sociolinguistics and sociology of language]. St Petersburg: Gumanitarnaia Akademiia, 2004. 336 p.
5. Vial'be B. S. *Pomialovskii* [Pomyalovsky]. Available at: <https://e-libra.ru/read/380103-pomyalovskiy.html> (accessed: 07.03.2019).
6. Giliarov-Platonov N. P. *Iz perezhitogo: avtobiograficheskie vospominaniia: v 2 t.* [From my experience: autobiographic recollections: in 2 vol]. St Petersburg: Nauka, 2009, vol. 1. 612 p.
7. Erofeeva T. I. *Sotsiolekt kak instrument opisaniia iazykovoii situatsii regiona* [Sociolect as a tool to describe the language situation in the region]. Available at: <http://www.rfp.psu.ru/archive/1.2010/erofeeva.pdf> (accessed: 07.03.2019).
8. Zherebilo T. V. *Social'nyi dialekt* [Social dialect]. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Nazran': Piligrim, 2010, p. 355.
9. Kvitka-Osnov'ianenko G. F. *Pan Khaliavskii* [Pan Khalyavsky]. Moscow: Izdanie knigoprodavtsa E. A. Gubanova, 1894. 388 p.
10. Lukashevich M. *Roman V. Krestovskogo (Nadezhdy Khvoshchinskoi) "Bariton" na fone literaturnoi traditsii izobrazheniia seminarista* ["Baritone" by V. Krestovsky (Nadezhda Khvoschinskaya) against the literary tradition of portraying the seminarist]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities], 2011, no. 7 (69), pp. 133–147.
11. *Ocherk kak sreda opisaniia detskogo fol'klora* [A sketch as an environment of children's folklore description]. Available at: http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/OL_1.htm (accessed: 07.03.2019).
12. Pomialovskii N. G. *Ocherki bursy* [Seminary Sketches]. Pomialovskii N. G. *Izbrannoe* [Selected writings by N. G. Pomyalovsky]. Moscow: Sovetskaia Rossiia, 1980. 432 p.

Примечание: работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Н. В. Володиной.

Для цитирования: Дегтерев Н. А. Характерные особенности социального диалекта бурсаков в «Очерках бурсы» Н. Г. Помяловского // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 3 (90). С. 54–61. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-3-90-6

For citation: Degterev N. A. Characteristic features of the seminarians' social dialect in "Seminary Sketches" by N. G. Pomyalovsky. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2019, no. 3 (90), pp. 54–61. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-3-90-6